

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ ХРОНОТОП В ЭПИЧЕСКИХ СКАЗАНИЯХ АРКТИЧЕСКИХ НАРОДОВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

MYTHOLOGICAL CHRONOTOPE IN THE EPIC LEGENDS OF THE ARCTIC PEOPLES: IN COMPARATIVE ASPECT

Аннотация. В статье поднимается тема основополагающих категорий мифопоэтических картин мира арктических народов – особенностей организации пространства и времени в эпических сказаниях. Актуальность обращения к теме вызвана все возрастающим интересом к природе языкового сознания народов Арктики, связанных с различными концептуализациями пространственно-временных отношений, в конечном итоге конструирующих особые модели мира национальных культур. Цель исследования – выявление общего и специфического в пространственно-временных представлениях северных олонхо и эвенских, эвенкийских, долганских сказаний. Сравнительному анализу подвергается сюжетная динамика пространственных элементов, где именно движение (путь) отражает взаимообусловленность категорий пространства и времени. Применяются методы описания, сплошной выборки, структурно-семантический анализ. Автор приходит к выводу, что к общеэпическим универсалиям относятся: единая горизонтально-вертикальная организация пространственной картины мира; существование сакрального центра – высшей сакральной точки пространства и времени, где все сакральные объекты (космос, страна, жилище) совпадают с этим центром по принципу «матрешки»; одинаковость формул, отражающих фольклорное время; пространственно-временные связи в количественных и в качественных характеристиках. В целом, автор делает заключение, что мифологический хронотоп в северных олонхо и сказаниях эвенов, эвенков, долган имеют разные степени развернутости. Мифологические экспозиции малочисленных народов оформляются лаконично, кратко, в свернутых вариантах, где отсутствуют пространственные описания, что, безусловно, отражает специфические особенности национального языка, мышления и менталитета этих народностей.

Ключевые слова: вертикальное пространство, горизонтальное пространство, время, северное олонхо, эвенский нимкан, эвенкийский нимнгакан, формула, мотив, числительное.

¹ Сатанар Марианна Тимофеевна – к. филол. н., научный сотрудник сектора «Олонховедение» НИИ Олонхо, СВФУ им. М. К. Аммосова. E-mail: satanar68@mail.ru

Satanar Marianna Timofeevna – Candidate in Philology, Researcher of the sector «Olonkhovedenie» Research Institute Olonkho, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University

Abstract. *The article raises the topic of the fundamental categories of mythoepic pictures of the world of the Arctic peoples - the peculiarities of the organization of space and time. The relevance of addressing the topic is caused by the growing interest in the nature of the linguistic consciousness of ethnic groups associated with various conceptualizations of space-time relations, ultimately constructing special models of the world of national cultures. The purpose of the study is to identify the general and specific in the spatio-temporal representations of the northern olonkho and Even, Evenk legends. The plot dynamics of spatial elements is subjected to comparative analysis, where exactly movement (path) contains the interdependence of the categories of space and time. Methods of description, continuous sampling, structural and semantic analysis are used. The author comes to the conclusion that general epic universals include: a single horizontal-vertical organization of the spatial picture of the world; the existence of a sacred center - the highest sacred point of space and time, where all sacred objects (space, country, dwelling) coincide with this center according to the principle of «nesting dolls»; similarity of formulas reflecting folklore time; spatio-temporal relationships in quantitative and qualitative characteristics. In general, we can conclude that the mythological chronotope in the northern olonkho and legends of the Evens, Evenks have different degrees of development. The mythological expositions of small peoples are made out laconically, briefly, in folded versions, where there are no lengthy descriptions, which certainly reflects the specific features of the national language, thinking and mentality of these peoples.*

Keywords: *vertical space, horizontal space, time, northern olonkho, Even nimkan, Evenk nimngakan, formula, motive, numeral.*

Введение

По мировоззренческим представлениям народов Арктики накоплено немало работ. Весомый вклад в изучение чувственного опыта мифологического сознания внесли труды как дореволюционных исследователей Я.И. Линденау, А.Ф. Миддендорфа, И.А. Худякова, В.Ф. Троцанского и др., так и труды представителей якутской интеллигенции Г.В. Ксенофонтова, А.Е. Кулаковского, П.А. Ойунского, А.А. Попова и др. Труды Г.У. Эргис, Н.В. Емельянова, Н.А. Алексеева, А.И. Гоголева, Р.И. Бравиной, Е.Н. Романовой, С.К. Колодезникова, Л.Л. Габышевой, Л.Н. Семеновой и др. внесли ясность в дело реконструкции мифологических представлений якутов. Исследованию устного народного творчества эвенов и эвенков посвящены труды Ж.К. Лебедевой, В.Д. Лебедева, К.А. Новиковой, Г.М. Василевич, М.Г. Воскобойникова, Г.И. Кэптукэ, А.Н. Мыреевой, Г.И. Варламовой, В.А. Роббек, А.А. Бурькина, С.И. Шарпиной, Р.П. Кузьминой, М.П. Дьяконовой и др.

Пространство и время как базисные категории человеческого мышления обеспечивают и эпическое мировосприятие, и устройство всей сюжетно-композиционной структуры сказаний [12, с. 478]. Мир мифоэпического сознания полон событиями, которые «хронотопичны по существу, по своим истокам» [16, с. 322].

Неотделимость этих категорий обуславливается движением (путем) составляющих элементов пространственно-временного континуума текстов. Хронотоп в художественных произведениях впервые был аргументирован М. М. Бахтиным, он констатировал, что время здесь выявляется в пространстве, пространство же понимается и осознается временем [1]. Данная тема была полем научных интересов многих ученых (В. Я. Пропп, Б. Н. Путилов, А. В. Кудияров, С. К. Колодезников, Л. Н. Семенова, А. А. Бурькин, Г. М. Василевич, А. Н. Мыреева и многие другие).

В ракурсе настоящего исследования, для изучения мифологического хронотопа были рассмотрены тексты эпических сказаний Среднеколымского, Момского, Верхоянского, Абыйского улусов, входящих в состав арктической зоны, в сравнительном изучении с текстами эвенкийских нимнгаканов, эвенских нимканов и долганских олонгхо. Теоретической базой исследования послужили: «композиционная функция» фольклорного хронотопа М. М. Бахтина [1, с. 234], универсальная мифопоэтическая концепция мира В. Н. Топорова [16], положения о пространственно-временных категориях в мифологической картине мира Т. В. Цивьян [18], научные изыскания о семиотике эпоса Л. Л. Габышевой [5], положения о пространственной организации эпического мира олонгхо Л. Н. Семеновой [13], труды о пространственно-временных особенностях тунгусских эпосов А. А. Бурькина [2] и др.

Описательная статика пространственных элементов

Прежде чем анализировать пространственные перемещения персонажей, целесообразно вкратце уточнить точку отсчета развертывания эпических событий. Возникновение качественно самостоятельных абстрактных величин пространства и времени, и вместе с тем вертикальных бинарных оппозиций верх/низ, семантически организующих и описывающих мир Вселенной, связано с количественным разделением на три эпических мира. Тема троемирия является обязательным элементом эпической картины мира северных якутов:

Саамай бастаан / Орто дойдуга / Биир киһи олорбут... / Аллараа да Дайдыттан / Өрө дьурулаан тахсыбытын билбэт, / Үөһээ да дайдыттан / Таннары дьурулаан түспүтүн билбэт... [24, с. 22–23]. 'В самом начале / На Срединной земле / Один человек жил... / Не знает он, / То ли взлетел из Нижнего мира, / То ли спустился вниз / С Верхнего мира...' [перевод автора].

Подобный мотив обнаруживается и во вступительной части эвенкийского героического сказания «Храбрый Содани-богатырь»:

Вот, давно-давно, говорят, / Появились эти три мира / Подобные чутким ушам годовалого дикого оленя... [19, с. 127].

Приведем пример и из зачина эвенского нимкана «Нёлтэк»:

С разных концов земли приехали люди на соревнование. Приехали с Верхней земли из трех знаменитых родов, с трех сторон Средней земли и трех слоев Нижней земли самые богатые и умные молодцы [15, с. 4].

Мотив этот устойчив и в долганском олонхо, он разворачивается постепенно при сюжетосложении эпоса. Например:

Ну вот, с Верхнего мира спущенные (божеством) Айыы, в узорнотравном Среднем мире, в восьмиоконном обширном-раздольном городе-доме жили три родные сестры, говорят... - Надо ехать в сторону захода солнца, - подумала сестра-охотница и туда напрямик на коне-то и помчалась. Где-то повстречала огромного абаасы Нижнего мира [8, с. 135].

Характерной особенностью архаического нимнгакана и долганского олонгхо является так называемая эмбриональная форма в зачине сказаний в виде компактных формул концепта изначального времени:

В самом начале, когда земля расстилалась, как шкурка с головы дикого оленя-мойки, когда море-океан с блюдечко льдинкой было, когда небо – верхняя земля, словно радуга, своими цветами сверкало... [3, с. 243].

В ту пору, когда эта обжитая страна со шкуру головы самца-оленя была, в ту пору, когда это простирающееся небо с лицо человека было... [8, с. 79].

Так излагается данное время в зачине абыйского олонхо:

Былыргы өйүүттэр буоллахтарына / Быһылааннаах быстар мыннааларыгар, / Урукку өйүүттэр буоллахтарына / Охсуһуулаах уларыйар уһуктарыгар, / Ааспыт өйүүттэр / Аймарыыннаах арыллар арбааларыгар... [20, с. 147]. 'Далеко за веками / Тревожных древних лет, / За стародавними веками / изменившихся бранных лет, / За минувшими веками / Бедственных дальних лет...' [перевод автора].

Здесь в структуре формулы встречается концепт *өйүүн*, интерпретированный еще А. А. Саввиным: *өйүүн* – абыйский диалект, применяемый в значении *үйэ* «век» [20, с. 128].

Таким образом, бытие в эпосах представляется как многомерность пространства и времени в вечном движении с указанием функционирования качественно различающихся между собой мест в мировой бесконечности (верхний, средний, нижний миры).

Картина мира олонхо моделирует выделение границ пространственных центров родной земли героя. Эпический локус древа является установленным центром «матери-родины» богатыря в верхоянской традиции:

Аан дайды / Алабар быара, / Киэн дайды / Киргис киинэ, / Улуу дайды / Дьөгдүүн нургуна, / Аан дайды / Адаархай арбаһа, / Үтүө дайды / Үрдүк мындаата буолар эбит. Кини дайдыта [21, с. 25]. 'Изначальной земли / Ласковой печени, / Широкой земли / Самым средоточием, / Великой земли / Славной возвышенностью, / Изначальной земли / Неровной холмой, / Прекрасной земли / Высокой вершиной является, оказывается. Его родная страна' [перевод автора].

Или, например, в момской традиции:

Аан дойду / Өрүкүйэр үрдүк көбүлүгэр, / Үөгүрүйэр чээл киинигэр, / Дьөгдөөйөр саалыгар, / Килбиэннээх киинигэр, / Уолуйан уһуктан турара үһү [22, с. 144]. 'Из-

начальной земли / Вдымающейся высокой чёлке, / Ярко-зеленой середине, / Возвышающемся загривке / Сверкающем центре, / Растерянным просыпался, говорят' [перевод автора].

В эвенкийских эпосах мотив описания мира дается очень кратко. Приведем пример из «Умусликэн-одиночка со средней земли Дулин Буга»:

Средней земли в середине самой (т. е. в центре Земли), / Лесистой реки на берегу / Один человек жил [4, с. 19].

Проявление отдельных элементов модели мира начинает вырисовываться при развертывании вертикального и горизонтального структур мироздания. Оригинальным можно считать уподобление этой модели внешности богатыря, которое «преломляет характерную для тюрков ориентацию в пространстве по человеческому телу» [5, с. 63]. Здесь заключается семантическая подоплека, играющая роль священной вертикали. Приведем пример описания внешности девушки-богатырки в олонхо верхоянского сказителя М. Н. Горохова «Кыыдааннаах Кыыс бухатыыр»:

Үөһээ дайдыттан / Үлэгэр өлүү / Түһэн иһэрин көрдөхпүнэ / Сэттэ бууттаах / Буор сэлээпэ бэргэһэбинэн / Бүөлүү бүрүйэн / Төттөрү холдьофон ытытам... / Аллараа дайдыттан / Алдьархайдаах-аймалһаннаах / Абыс биһин уһуттааҥ / Абыс атахтаах / Аан адьарай атамаана / Адаарыйан-арбайан тахсан / Иһэрин көрдөхпүнэ, / Мэйиитин дэлби тимэхтээн / Төттөрү тимирдиэм диир... [21, с. 33]. 'От верхнего мира / Если увижу, смерть спускается, - / Шляпой своей заткну, / Обрато изгоню... / От нижнего мира / Если увижу, подымается / Восьминогий атаман, - / Мозги разом прихлопну / Обрато утоплю...' [перевод автора].

Как отметила Л. Л. Габышева, в таком фрагменте представлен параллелизм космоса, одежды и частей тела в качестве антропокосмической метафоры, где зоны эпического космоса соотносятся с определенными частями человеческого тела, которые репрезентированы названиями одежды [5, с. 62–65].

Устойчивым является наличие в текстах северных олонхо мотива-описания красоты родной страны героя в различных вариативных оформлениях. Что касается текстов сказаний эвенов, эвенков, то в тунгусском зачине описание красоты родной земли, где происходят события, дается емко, кратко, или наличествует в неполном виде, или оно заменяется описанием богатства героя, как например, в эвенском сказании «Нёлтэк»:

Взглянешь направо – будто горы покрыты разнообразными цветами – так много пестрых оленей было, если взглянешь налево – будто горы покрыты снегом – столько много было у них белых оленей [15, с. 4].

Прием «оглядывания» сказителем границ родной земли, который предстает точкой отсчета при описании этой земли, в северных традициях включает в себя последовательное введение фрагментов отдаления от пространственного центра периферийных локусов разных видов деревьев. При этом, если в центральных и вилюйских традициях утверждение образа крутящейся родной земли ге-

роя сопровождается последовательным указанием четырех направлений света, то в северных традициях обычно соотнесение с частями света не встречается. Тем не менее, сохраняется стройная система уподоблений:

Бу алаас анараа өттүнэн, / Көрдөр-көрөн турдахха, / Кыыс дьахталлар / Кынгый-хангый сангасса / Туралларын курдук / Кыһыл ииччэх талахтардаах, / Бу анараа өттүнэн / Хатын дьахталлар / Хангый-кынгый сангасса / Туралларын курдук / Хахыйах хатыннардаах, / Бу анараа өттүнэн / Тонг саллааттар / Лонгуначчы ыллаһа / Туралларын курдук / Лонкур хаан тииттэрдээх эбит. / Бу анараа өттүнэн / Тонгус омуктар / Тэрэх тууттарын кэтэн баран / Тиритэн-хорутан нэрбэһэ / Сиэлсэн иһэллэрин курдук / Тэтинг кэрэх мастардаах эбит. / Бу анараа өттүнэн, / Сиидэрэп оҕонньору кимэн кимнэрэн / Туран силирбэйдээх бэргэһэтин / Нэнгэччи уурбут курдук / Лэглэр хаан тииттэрдээх эбит... [20, с. 49]. 'За этим алаасом / Если посмотреть, / Подобные молодым женщинам, / С ворчливым ропотом стоящими / Видны спутанные красные вербы, / За ними дальше - / Словно пожилые женщины / Разговаривающие друг с другом, / Стоят березы, / За ними дальше - / Стоят высокие, прямые лиственницы, / При виде которых вспоминаешь замерзших молодых солдат, / Которые стоят и поют, / За ними дальше - / Подобно тунгусам, / Бегущих на лыжах туут, / Видны осины, / За ними дальше - / Стоят величавые невысокие лиственницы, / Которые похожи на слегка надетую шапку / Старика Сидорова...' [перевод автора].

В формулах, описывающих лес, используется уподобление молодых женщин красным вербам, пожилых женщин – березам, молодых солдат – высоким лиственницам, стариков – величавым невысоким лиственницам. В приведенном абыйском варианте сказания привлекает сравнение осин с тунгусами. Предполагается, что соотнесение именно осин с тунгусами передает информацию следующего содержания: в якутской культуре образ осины носит отрицательную семантику, т. к. осину связывают со злыми духами, следовательно, можно предположить, что в этом элементе эпического пространства, возможно, отражается память северных якутов о былых столкновениях их предков с тунгусами. По заключению Л. Л. Габышевой, вышеобозначенное пространственное описание транслирует на семантическом уровне «половозрастную, отчасти социальную структуру общества, выдвигая на первый план оппозиции *молодой/старый, жизнь/смерть*» [5, с. 72].

Путь персонажей и время в пути

Отношения пространства и времени отражаются в возможности выявления времени в пространстве, пространства – в осознании и понимании через время [1]. Так, пространственные членения упорядочиваются маршрута передвижения героя по эпическому мирозданию.

Описание эпического пространства разворачивается постепенно, как отметила Л. Н. Семенова, именно «с точки зрения движения эпического героя как про-

дукта динамического процесса – в результате соприкосновения движущегося персонажа с пространством» [13, с. 182–190]. Локус, фиксирующий вход в другое пространство, в текстах северных олонхо не имеет строгого закрепленного образа. Таковым является место, где земля и небо сходятся своими краями. Аналогичным клише, характеризующим данный переход, может служить появление горы в ходе передвижения героя в среднеколымском олонхо:

Бардар баран истэ... Өксөкү кыыл тынгырабын өрө туппут курдук үөрбэ хайа таастары өрүтэ табыннараран, хахай кыыл тынгырабын хардары-таары туппут курдук хадыыр хаан хайалары хардары түһэн истэ... Күн сирэ күрэнэн, айыы сирэ арахсан, абааһы сирэ аһыллан истэ... [23, с. 91]. 'Вот едет и едет... Подобно поднятым вверх когтям птицы өксөкү остроконечных гор камни разбрасывал, подобно поочередно следующим друг за другом когтям зверя льва черные горы проскакал... Страна солнца отдаляться стала, земля айыы удаляться стала, страна абаасы приоткрываться стала...' [перевод автора].

Или огненного моря, как в верхоянских традициях:

Баран истэ, баран истэ / ... Утуйдабына, түүлүгэр түһээбэтэх / Күнүскүтүгэр / Хаптабай кулгаабынан истибэтэх, / ... Отут үөстээх / Уорааннаах Уот Байбал - / Хаайда, хаачайда [21, с. 60]. 'Едет, едет... / Уснувшей, ей во сне не приснившийся / В дневное время / Ее плоским ушам не слышавшийся, / ... С тридцатью руслами / Суровый Огненный Байбал / Преградил-закрыл' [перевод автора].

В таком ракурсе вызывает интерес необычное дублирование данного клише в эвенкийском нимнгане «Тывгунай-юноша и Чолбон Чокулдай» – в сказании о двух братьях:

Сингэлтукэн пошел за Чолбон Чокулдаем. / Идут-идут, пройдя много земель, / Приходят в то место, / Где земля и небо соприкасаются как ножницы. / Чолбон Чокулдай сел на своего коня / И прыгнул первым, когда приоткрылось расстояние / Между небом и землей. / И небо, соприкоснувшись с землей, / Отсекло только кончик хвоста его коня. / Когда второй богатырь начал перепрыгивать на своем коне, / Его вместе с конем перерезало пополам. / Так погиб Сингэлтукэн Эден [4, с. 53].

В данном фрагменте образ ножниц перекликается с якутским вариантом небес, свисающих нижней частью вниз бахромой, которые трутся с приподнятым краем Земли со звуком, подобным «скрежету зубов разъяренных жеребцов». Вход в чужое пространство, т. е. переход, часто отмечается лексемой *аартык* (дорога-перевал) в северных олонхо, в тунгусском же варианте наблюдается присутствие маленького отверстия между мирами, как например в вышеуказанном нимнгане:

Юноша вдруг вспомнил о наперстке, / Оставленном уточками, / Бросил его в сторону отверстия Верхнего мира, / И наперсток взлетел в отверстие, / Закупорив его доньшком [4, с. 59].

Из горизонтального разворачивания эпического пространства олонхо видно, что сакральное космоирующее значение имеет числительное «четыре», реализующееся при описании четырех направлений света. При этом математический символ является не простым литературным приемом, а наделен мировоззренческим характером. Числительное «четыре» используется и при характеристике эпического времени. В эпическое пространство входят гигантские расстояния, преодолеваемые героями олонхо в течение четырех сезонов года:

Сайынын самаанынан билэннэр, күһүнүн өксүнүнэн билэннэр, кыһынын кырыатынан билэннэр айанныллар [9, с. 30]. *‘В дороге лето им чувствуется изобилием, осень чуется сыростью и ветром, зима ощущается инеем’* [9, с. 106].

Аналогичны формулы, отражающие время, в эвенкийских сказаниях. Приведем пример из сказания «Всесильный богатырь Дэвэлчэн»:

Между тем, / Достиг он края [своей] страны, / Вступил в чужую страну. / Лето он узнавал по дождю, / Осень узнавал по граду, / Зиму узнавал по снегу, / Весну узнавал по пушистым хлопьям снега. / Ехал он так... [19, с. 255].

В большинстве текстов северных олонхо обнаруживается и более оригинально имплицированное сообщение о категории времени, вот к примеру рассмотрим описание пути Хаарылла Мохсогол в Нижний мир:

Барбытын курдук / Сизэлэрэн-дьигиһитэн, / Хаамтаран-халыһытан истэ. / Атын түөт түөйэм тыгырабыттан / Түөт диэрбэнг халарык / Өрө ытыллан истэ, / Икки танытынан тыыммыта, / Эбир дьабыл былты буолан / Субуллан туран хаалла. / Айыгы бухатыыр кулгаабын тыаһа / Арылыас кус кынатын тыаһын курдук / Өрө чынгынаан истэ [22, с. 171–172]. *‘Вот так / Ехал рысью. / Из-под четырех копыт коня / Четыре вихря / Поднимались-крутились, / Из двух ноздрей дыхание, / Словно перистые облака / Стоячими позади оставалось. / У богатыря Айыгы в ушах / Будто от крыльев летящих утки-гоголь / Шумело-гудело’* [перевод автора].

Здесь формула оформляется средствами метеорологического и звукового кодов. Посредством этих кодов, по замечанию Л. Н. Семеновой, происходит «репрезентация ситуации нарушения космического порядка» [13, с. 117].

Эпическая формула, указывающая на продолжительность перемещения богатыря (богатырки) в нимкане, может содержаться в сокращенном варианте, так:

Иркэнмэл идет и идет. Очень долго шел. По инею на ресницах о наступлении зимы узнает, по таянию инея на ресницах о становлении лета узнает. И голод его мучает, а он все идет, идет... [7, с. 15].

Следует отметить, что в некоторых нимканах присутствует весьма оригинальное кодирование сообщения о категории времени:

Взявшись за руки, они побежали (Мэнгун и Чолэрэнг). Мэнгун бежала и на бегу заметила, что оба глаза у нее распухли и из носа кровь пошла. ... пощупала свои волосы, а они все покрылись инеем /от ее дыхания на морозе/ и обратились в лед. Побежали они летом и на бегу не заметили, как наступила зима. Обледенелый

комков вместе с волосами выдернула Мэнгун... Ей легче стало, она продолжает бежать так быстро, что только свист в ушах стоит [11, с. 140].

А вот как емко кодируется время в сказании о Чинанае:

Чинанаище бежит, бежи-и-и-и-т. / Ветер задул, деревья «ки-и-к», «ки-и-к», «ки-и-к» / Делают от ветра... [17, с. 44].

Подразумевается, что здесь используется звуковой код. Наблюдаемое в отрывках развитие большой скорости движения, являющееся ключевым фактором в неразрывной связи пространства и времени (М. Бахтин), указывает на качественное изменение категории времени, а отсюда и пространства. При этом важно понять, что акцент делается именно на характеристику скорости, а не на традиционное акцентирование смены времен года, как в текстах северных олонхо.

В семантике текстов северных олонхо бытует указание на характер движения Нижнего мира – *нэс түөртүгэн*, что в буквальном смысле означает «медлительный». В ходе исследования обнаружены разные варианты данного концепта. Например, в абыйской традиции – *Аллараа Нэс Түгэбэ* (букв.: нижнее медлительное дно) [перевод автора]. Рассмотрим отрывок из верхоянского олонхо:

Аллараа дайдыттан / Нэрилиир нэс түөрэ түгэнтэн / Дьөлө күөрэйэн тахсан / Үөскээбитин-үөдүйбүтүн / Биир билиммэт [21, с. 24]. 'С Нижнего мира / С медлительного түөрэ түгэн / Всплыв-поднявшись / Появился-родился / Не знает' [перевод автора].

Здесь проявляется отличительная характеристика Нижнего мира, его скорость движения в сравнении со скоростью Среднего мира. Интересно, что все три части мира олонхо имеют собственное пространство и свое время [6, с. 16].

Следует подчеркнуть, что отправление эпического героя-богатыря в путь мотивируется желанием увидеть другие страны, найти человеческое общение, свою половину (жену, мужа), проверить силу в борьбе со злыми началами. По утверждению Г. Кэптукэ, именно эта цель структурирует сюжет сказаний [10, с. 74].

Фольклорное время отражают и формулы, которые оформляются с помощью угроз-обещаний побежденных врагов об их возрождении к определенному сроку. Эти же клише повторяются и в эвенских традициях:

Кях-Кях! Когда бы то ни было, догоню тебя! / Кях-Кях! Когда родится ребенок-девочка / И будет играть ножницами. / Кях-Кях! Когда родится мальчик-ребенок / И будет играть, стреляя луком, приду-приду... [15, с. 19],

– и в угрозах авахи в эвенкийских сказаниях.

Пространственно-временные связи в северных олонхо имеют свои параллели с воззрениями, представленными в эвенских и эвенкийских сказаниях не только в количественных характеристиках отношений, но и в качественных характеристиках. Так, если в северных олонхо все созидательные, жизнеутверждающие начала локализуются по восточному направлению Среднего мира, а на западной

стороне – все разрушающие, злые начала, то и в эвенском нимкане, и в эвенкийском нимнгакане обнаруживаются сходные представления. Приведем пример с эвенского сказания, где описываются отличительные качества Нижнего мира:

Да-да, скоро доедем, - обрадовался черт. Встал и пошел вперед. Видит Нёлтэк, что все кругом изменилось, земля другой стала. Леса и травы совсем не такие зеленые. Небо – какое-то серое, а солнце, как луна, мутное, еле-еле светит [15, с. 18].

А вот как эксплицировано направление на восток (море) в эвенкийском сказании о Мэнгрунде:

Паренек наш тоже в воду входит, / Неркой-рыбой становится, гонится за авахи, / Глаз того авахи, камешком став, / В пуп моря упал... / К этому времени касатка приплывает. / Морская касатка, большая [14, с. 96–97].

Заключение

Подводя итоги проведенного исследования, можно заключить, что анализ хронотопа архаической эпикки малочисленных народов и северных якутов показал однотипность и сходство взглядов в космологических представлениях. К общеэпическим универсалиям относятся:

1. Существование сакрального центра – высшей сакральной точки пространства и времени, где все сакральные объекты (космос, страна, жилище) совпадают с этим центром по принципу «матрешки».

2. Единая горизонтально-вертикальная организация пространственной картины мира, состоящей из вертикальной трехсоставной структуры и горизонтальной четырехчленной структуры, соответственно направлениям света.

3. Устойчивость формул, отражающих фольклорное время, а также пространственно-временные связи в количественных и в качественных характеристиках.

В целом, можно заключить, что хронотоп космологических мифологий в северных олонхо и сказаниях эвенов, эвенков, долган имеют разные степени развернутости. В таком ракурсе в северных олонхо отмечается типологическая близость с космологическими воззрениями иных локальных традиций (по классификации В. В. Илларионова). Мифологические экспозиции малочисленных народов оформляются лаконично, кратко, в свернутых вариантах, в них отсутствуют пространственные описания, что безусловно отражает специфические особенности национального языка, мышления, менталитета этих народностей.

Литература

1. Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе : очерки по исторической поэтике / Бахтин М. М // Вопросы литературы и эстетики : исследования разных лет. – Москва : Художественная литература, 1975. – С. 234–407.

2. Бурькин, А. А. Мифологические экспозиции эпических сказаний эвенков и эвенов и их роль для изучения тунгусской космогонической мифологии и для характеристики этнических и локальных традиций / А. А. Бурькин // Вестник Севера

ро-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова : Серия Эпосоведение. – 2017. – №2 (06). – С. 17–26.

3. Василевич, Г. М. Исторический фольклор эвенков : Сказания и предания / Г. М. Василевич. – Москва ; Ленинград : Наука, 1966. – 399 с.

4. Варламова, Г. И. Эвенки : Типы героических сказаний эвенков / Г. И. Варламова, А. Н. Мыреева. – Новосибирск : Наука, 2008. – 228 с.

5. Габышева, Л. Л. Семантика и структура текстов олонхо / Л. Л. Габышева // Язык – миф – культура народов Сибири. – Якутск : Издательство Якутского государственного университета, 1991. – С. 61–78.

6. Гоголев, А. И. Якутское олонхо в контексте мифологии и эпической поэзии народов Евразии / А. И. Гоголев, А. А. Бурцев. – Якутск : Сфера, 2012. – 75 с.

7. Данилов, Е. А. Иркэнмэл, Ойинде, Мэтэлэ / Е. А. Данилов. – Якутск : Якутский край, 1991. – 52 с.

8. Ефремов, П. Е. Фольклор долган / П. Е. Ефремов. – Новосибирск : Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2000. – 448 с.

9. Кыыс Кылаабынай Бухатыыр – Богатырка Кыыс Кылаабынай / олонхосут Д. А. Томская-Чаайка ; авторы проекта В. В. Илларионов, Н. А. Оросина, А. Д. Татарина ; ответственный редактор Т. В. Илларионова ; [перевод на русский язык А. Е. Шапошникова] ; [перевод на английский язык В. К. Неустроева]. – Якутск : Алаас, 2016. – 240 с.

10. Кэптукэ, Г. И. Двуногий да поперечноглазый черноволосый человек-эвенк и его земля Дулин-Буга / Г. И. Кэптукэ. – Якутск : Розовая чайка, 1991. – 49 с.

11. Лебедев, В. Д. Язык эвенов Якутии / В. Д. Лебедев ; ответственный редактор В. И. Цинциус. – Ленинград : Наука, 1978. – 208 с.

12. Литературный энциклопедический словарь / подготовка текста Е. И. Бонч-Бруевич [и др.] ; под редакцией В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – Москва : Советская энциклопедия, 1987. – 752 с. – URL : http://readeralexey.narod.ru/Library/literaturnyi_enciklopedicheskiy_slovar_1987.pdf (дата обращения : 29.11.21).

13. Семенова, Л. Н. Эпический мир олонхо: пространственная организация и сюжетики / Л. Н. Семенова. – Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2006. – 232 с.

14. Сказания восточных эвенков / составители Г. И. Варламова, А. Н. Варламов. – Якутск : ИГИ и ПМНС СО РАН, 2004. – 210 с.

15. Тайшина, Е. И. Нёлтэк (на русском и эвенском языках) / Е. И. Тайшина, В. А. Роббек. – Якутск : Розовая чайка, 1992. – 64 с.

16. Топоров, В. Н. Мировое дерево : Универсальные знаковые комплексы / В. Н. Топоров. – Т. 2. – Москва : Рукописные памятники Древней Руси, 2010. – 496 с.

17. Тунгусский архаический эпос (эвенкийские и эвенские героические сказания) / Г. Кэптукэ, В. Роббек. – Якутск : Издательство ИГИ и ПМНС СО РАН, 2002. – 210 с.

18. Цивьян, Т. В. Лингвистические основы балканской модели мира / Т. В. Цивьян ; ответственный редактор В. Н. Топоров. – Москва : Наука, 1990. – 207 с. – URL : https://inslav.ru/images/stories/pdf/1990_Civjan_%20Lingvisticheskie_osnovy_balkanskoj_modeli_mira.pdf (дата обращения : 13.09.21).

19. Эвенкийские героические сказания / составитель А. Н. Мыреева // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1990. – 392 с.

20. Абый олонхолоро : олонхо / редколлегия : А. Н. Жирков, В. В. Илларионов, В. Н. Иванов уо. д. а. ; эппиэттиир редактор Л. С. Ефимова; бэчээккэ бэлэмнээтилэр : В. В. Илларионов, Т. В. Илларионова // Саха боотурдара : 21 томнаах ; т. 20. – Дьокуускай : Бичик, 2019. – 296 с.

21. Кыыдааннаах Кыыс Бухатыыр : олонхо / М. Н. Горохов – Муойа ; редколлегия : А. Н. Жирков уо. д. а. ; бэчээккэ бэлэмнээтилэр : В. В. Илларионов, Т. В. Илларионова, А. Н. Данилова // Саха боотурдара : 21 т. ; т. 17. – Дьокуускай : Бичик, 2016. – 208 с.

22. Муома олонхолоро / редколлегия : В. В. Илларионов уо. д. а. // Саха боотурдара : 21 томнаах ; т. 4. – Дьокуускай : Бичик, 2004. – 240 с.

23. Орто Халыма олонхолоро : олонхо / бэчээккэ бэлэмнээтилэр : В. В. Илларионов, Т. В. Илларионова ; редколлегия : А. Н. Жирков уо. д. а. // Саха боотурдара : 21 т. ; т. 18. – Дьокуускай : Бичик, 2016. – 280 с.

24. Хотугу сахалар олонхолоро : олонхо / редколлегия : А. Н. Жирков, В. В. Илларионов, В. Н. Иванов уо. д. а. ; эппиэттиир редактор Н. В. Покатилова ; бэчээккэ бэлэмнээтилэр С. Д. Мухоплева, Н. В. Павлова // Саха боотурдара : 21 т. ; т. 21. – Дьокуускай : Бичик, 2019. – 304 с.

Referenses

1. Bahtin, M. M. Formy vremeni i hronotopa v romane : ocherki po istoricheskoi poetike / Bahtin M. M // Voprosy literatury i estetiki : issledovaniya raznyh let. – Moskva : Hudozhestvennaya literatura, 1975. – S. 234–407.

2. Burykin, A. A. Mifologicheskie ekspozicii epicheskikh skazaniy evenkov i evenov i ih rol dlya izucheniya tunguskoj kosmogonicheskoi mifologii i dlya harakteristiki etnicheskikh i lokalnyh tradicij / A. A. Burykin // Vestnik Severo-Vostochnogo federalnogo universiteta im. M. K. Ammosova : Seriya Eposovedenie. – 2017. – №2(06). – S. 17–26.

3. Vasilevich, G. M. Istoricheskij folklor evenkov : Skazaniya i predaniya / G. M. Vasilevich. – Moskva ; Leningrad : Nauka, 1966. – 399 s.

4. Varlamova, G. I. Evenki : Tipy geroidicheskikh skazaniy evenkov / G. I. Varlamova, A. N. Myreeva. – Novosibirsk : Nauka, 2008. – 228 s.

5. Gabysheva, L. L. Semantika i struktura tekstov olonho / L. L. Gabysheva // Yazyk – mif – kultura narodov Sibiri. – Yakutsk : Izdatelstvo Yakutskogo gosudarstvennogo universiteta, 1991. – S. 61–78.

6. Gogolev, A. I. Yakutskoe olonho v kontekste mifologii i epicheskoj poezii narodov Evrazii / A. I. Gogolev, A. A. Burcev. – Yakutsk : Sfera, 2012. – 75 s.
7. Danilov, E. A. Irkenmel, Ojinde, Metele / E. A. Danilov. – Yakutsk : Yakutskij kraj, 1991. – 52 s.
8. Efremov, P. E. Folklor dolgan / P. E. Efremov. – Novosibirsk : Izdatelstvo Instituta arheologii i etnografii SO RAN, 2000. – 448 c.
9. Kyys Kylaabynaj Buhatyыр – Bogatyрка Kyys Kylaabynaj / olonhosot D. A. Tomskaya-Chaajka ; avtory proekta V. V. Illarionov, N. A. Orosina, A. D. Tatarinova ; otvetstvennyj redaktor T. V. Illarionova ; [perevod na russkij yazyk A. E. Shaposhnikova] ; [perevod na anglijskij yazyk V. K. Neustroeva]. – Yakutsk : Alaas, 2016. – 240 s.
10. Keptuke, G. I. Dvunogij da poperechnoglazyj chernovolosyj chelovek-evenk i ego zemlya Dulin-Buga / G. I. Keptuke. – Yakutsk : Rozovaya chajka, 1991. – 49 s.
11. Lebedev, V. D. Yazyk evenov Yakutii / V. D. Lebedev ; otvetstvennyj redaktor V. I. Cincius. – Leningrad : Nauka, 1978. – 208 s.
12. Literaturnyj enciklopedičeskij slovar / podgotovka teksta E. I. Bonch-Bruевич [i dr.] ; pod redakciej V. M. Kozhevnikova, P. A. Nikolaeva. – Moskva : Sovetskaya enciklopediya, 1987. – 752 s. – URL : http://readeralexey.narod.ru/Library/literaturnyj_enciklopedičeskij_slovar_1987.pdf (data obrashcheniya : 29.11.21).
13. Semenova, L. N. Epicheskij mir olonho: prostranstvennaya organizaciya i syuzhetika / L. N. Semenova. – Sankt-Peterburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2006. – 232 s.
14. Skazaniya vostochnyh evenkov / sostaviteli G. I. Varlamova, A. N. Varlamov. – Yakutsk : IGI i PMNS SO RAN, 2004. – 210 s.
15. Tajshina, E. I. Nyoltek (na russkom i evenskom yazykah) / E. I. Tajshina, V. A. Robbek. – Yakutsk : Rozovaya chajka, 1992. – 64 s.
16. Toporov, V. N. Mirovoe derevo : Universalnye znakovye kompleksy / V. N. Toporov. – T. 2. – Moskva : Rukopisnye pamyatniki Drevnej Rusi, 2010. – 496 s.
17. Tungusskij arhaicheskij epos (evenkijskie i evenskie geroicheskie skazaniya) / G. Keptuke, V. Robbek. – Yakutsk : Izdatelstvo IGI i PMNS SO RAN, 2002. – 210 s.
18. Civyan, T. V. Lingvisticheskie osnovy balkanskoj modeli mira / T. V. Civyan ; otvetstvennyj redaktor V. N. Toporov. – Moskva : Nauka, 1990. – 207 s. – URL : https://inslav.ru/images/stories/pdf/1990_Civjan_%20Lingvisticheskie_osnovy_balkanskoj_modeli_mira.pdf (data obrashcheniya : 13.09.21).
19. Evenkijskie geroicheskie skazaniya / sostavitel A. N. Myreeva // Pamyatniki folkloru narodov Sibiri i Dalnego Vostoka. – Novosibirsk : Nauka. Sibirskoe otdelenie, 1990. – 392 s.
20. Abyj oloŋholoro: oloŋho / redkollegiya : A. N. Zhirkov, V. V. Illarionov, V. N. Ivanov uo. d . a . ; eppiettiir redaktor L. S. Efimova; becheekke belemneetiler : V. V. Illarionov, T. V. Illarionova // Saha booturdara : 21 tomnaah ; t. 20. – Dokuuskaj : Bichik, 2019. – 296 s.

21. Кыйдааннаах Кыс Бухатыр: олоҥхо / М. N. Gorohov – Муоја ; redkollegiya: A. N. Zhirkov уо. d . a . ; becheekke belemneetiler : V. V. Illarionov, T. V. Illarionova, A. N. Danilova // Saha booturdara : 21 t. ; t. 17. – Dokuuskaj : Bichik, 2016. – 208 s.

22. Муома олоҥһолоро / redkollegiya : V. V. Illarionov уо . d . a . // Saha booturdara : 21 tomnaah ; t. 4. – Dokuuskaj : Bichik, 2004. – 240 s.

23. Орто Һалыма олоҥһолоро : олоҥхо / becheekke belemneetiler : V. V. Illarionov, T. V. Illarionova ; redkollegiya : A. N. Zhirkov уо. d . a . // Saha booturdara : 21 t. ; t. 18. – Dokuuskaj : Bichik, 2016. – 280 s.

24. Хотугу саһалар олоҥһолоро: олоҥхо / redkollegiya : A. N. Zhirkov, V. V. Illarionov, V. N. Ivanov уо. d . a . ; eppiettiir redaktor N. V. Pokatilova ; becheekke belemneetiler S. D. Muhopleva, N. V. Pavlova // Saha booturdara : 21 t. ; t. 21. – Dokuuskaj : Bichik, 2019. – 304 s.